

ЧЕЛОВЕК КАК СЛОВО

ЧЕЛОВЕК КАК СЛОВО

СБОРНИК В ЧЕСТЬ
ВАРДАНА
АЙРАПЕТИЯНА

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
МОСКВА 2008

ББК 83.3(2Рос=Рус)
Ч 39

Ч 39 Человек как слово: Сб. в честь Вардана Айрапетяна. —
М.: Языки славянской культуры, 2008. — 264 с.

ISBN 9-785-9551-0268-9

Сборник посвящен шестидесятилетию Вардана Айрапетяна, филолога-руссиста, лауреата премии Андрея Белого, присужденной за книгу «Толкуя слово. Опыт герменевтики по-русски» (М., 2001), автора глубоко и всесторонне продуманной версии русской герменевтики, основанной на проникновенном изучении народной культуры, — герменевтики родного языка.

ББК 83.3(2Рос=Рус)

*В оформлении переплета использована картина
Сальвадора Дали «Гермес» (1981)*

ISBN 9-785-9551-0268-9

© Авторы, 2008

© Языки славянской культуры, 2008

Содержание

От составителя	7
<i>C. Г. Бочаров.</i> О Вардане Айрапетяне	9

I

<i>B. Н. Топоров.</i> «Герменевтические подступы к русскому слову» Вардана Айрапетяна.	
Вместо предисловия	15
<i>B. В. Бибихин.</i> Вардан Айрапетян.	
Герменевтические подступы к русскому слову	34
<i>B. В. Бибихин.</i> Герменевтика	41

II

<i>L. Абрамян.</i> О проекте филургического словаря	67
<i>L. Акопян.</i> Феномен Дмитрия Шостаковича	75
<i>C. Г. Бочаров.</i> Ахиллес и черепаха	91
<i>B. В. Дубин.</i> Оправдание речи. Два этюда о современной поэзии для Вардана Айрапетяна	100
<i>L. В. Карасев.</i> «Порча пальцев» у Достоевского	113
<i>C. В. Лезов.</i> Речь Яшки Преображенского о смысле жизни	119
<i>C. Ю. Неклюдов.</i> Понять и осмыслить (к проблеме «ослышек» и лексических искажений в устной традиции)	123
<i>A. Б. Пеньковский.</i> Загадки пушкинского текста и словаря: «...и после ей наедине давать уроки в тишине» («Евгений Онегин», 1, XI, 13—14)	133

<i>M. Ю. Репутин.</i> Отрицательный метод в богословии Майстера Экхарта.	155
<i>A. Саакян.</i> <i>Astuac</i> (Бог) — знак армянского христианского конфессионально-культурного контекста	185
<i>Л. Силард.</i> Бытие и язык как проблема первичных и вторичных жанров	191
<i>Т. В. Цивъян.</i> Из <i>Петербургских текстов</i> <i>и петербургских мифов</i> (по записям В. Н. Топорова)	206
<i>М. Э. Ширинян.</i> Ранневизантийский церковный историк Сократ Схоластик и его мировоззрение	214

От составителя

В первой книге Вардана Айрапетяна «Герменевтические подступы к русскому слову», вышедшей в 1992 г., есть заметка под названием «Слово как человек». В преобразованном виде она вошла и в его итоговую книгу «Толкуя слово. Опыт герменевтики по-русски» (М., 2001), значительно расширенное издание которой готовится теперь автором. В предисловии к «Подступам» В. Н. Топоров писал:

«Слово как человек», — сказал он. «Но и человек как слово», откликнемся мы, напомнив, что подлинное живое слово несет в себе глубокий бытийственный смысл (наст. сб., с. 33).

«Человек как слово» — здесь прежде всего имеется в виду человек как таковой, *homo sapiens* (точнее *loquens*), но это в полной мере можно отнести и к авторам этих двух высказываний. Мало найдётся филологов, настолько проникнутых стихией слова, так чутко откликающихся на тончайшие оттенки его звучания и смысла. Это люди позволившие слову, по выражению В. В. Бибихина, «слыть и слышаться так, как хочет оно, не мы» (наст. сб., с. 40). Вардан Айрапетян считает Топорова вместе с Бахтиным главными своими учителями, но он пришёл к ним сам (к Топорову пришёл когда-то в прямом смысле) и, многое взяв у них, продолжает идти своим, совершенно особым путём. С. Г. Бочаров называет то, чем занимается Айрапетян, «персональной филологией» (с. 11 наст. сб.). Но и эти слова можно понимать двояко. «Герменевтика по-русски» персональна только в том смысле, что никто другой не мог бы выстроить это грандиозное здание с таким тщанием и полнотой, но имеет она дело, пользуясь ключевым ее термином, с мировым человеком и его словом. И это прежде всего русский мировой человек, Иван.

В первом разделе сборника помещены непосредственные отклики на книги Вардана Айрапетяна, во втором — статьи, предоставленные авторами специально для настоящего сборника.

За деятельную помошь в комплектовании сборника благодарим Левона Абрамяна и Сергея Георгиевича Бочарова.

С. Г. Бочаров

О Вардане Айрапетяне

Четверть века тому назад (примерно) позвонил незнакомый и очень вежливый голос с вопросом: нельзя ли прочитать неопубликованные записи выступлений М. М. Бахтина в философских кружках 20-х годов, говорят, у вас есть? Мы встретились в метро, и это была моя встреча с Варданом Айрапетяном. В 1992-м в московском издательстве «Лабиринт» вышла книга в белой мягкой обложке — «Герменевтические подступы к русскому слову», заслужившая сразу признание двух таких филологов, как В. Н. Топоров и В. В. Бибихин. После были еще две книги и разные публикации, но новой темы не было: воистину автор знал (и до сих пор знает) одной лишь думы власть, и другая тема ему была не нужна. Тема одна и *своя* настолько, что автор может ее изнутри расширять и наращивать, кажется, без конца, вовлекая в нее материал словесности почти безбрежный. Айрапетян с признательностью называет своих учителей — В. И. Даль, Бахтин, Топоров, — но он не имеет рядом с собой союзников, с кем он мог бы образовать что-то вроде общего «направления». Он сам себе направление, и при весьма широком составе имен, которые привлекает себе в подмогу, цитирует и на них опирается, по существу работа его одинока. Этот толкователь русского слова заслуживает сам толкования.

Читатель Вардана Айрапетяна встречается с текстами, каких он ни у кого не мог прочитать. У Бахтина — недаром все же он тогда стал поводом к первой встрече — есть в ранней философии поступка описание того, что названо им эстетическим созерцанием: «напряженно замедлить над предметом, закрепить, вылепить каждую мельчайшую подробность и деталь его. Только любовь» — продолжает Бахтин — дает нам так рассмотреть предмет. И ведь это словно бы описание излюбленной формы Айрапетяна. Его форма — монографический лаконичный (предельно) этюд, в котором автор склоняется над каким-нибудь произведением русской речи, чтобы над ним «напряженно замедлить» — «все как один», «карты в руки», «зеркало души», «анекдот про девятых людей», или проще простого — что значит словечко «думать». Напряженно замедлить, чтобы истолковать, — толкование же уводит нас весьма далеко за границы этого речевого произведения, в толковательное пространство, какое автор предпочитает называть герменевтическим более, нежели лингвистическим. Анекдот про девятых людей это «притча о человечестве». Круглое число из

десети людей, сидящих в кружок, никак не может сосчитаться и стать действительно «круглым» числом, потому что каждый считающий, живущий собственной исключительностью, самого себя не включает в счет, и нужен проходящий мимо и находящийся вне круга одиннадцатый, чтобы правильно сосчитать. Дурацкий анекдот ведет к тому, что названо автором «религиозностью герменевтики» (В. Айрапетян. Русские толкования. М.: Языки русской культуры, 2000, с. 63; далее указываются страницы этого издания). В самом деле, без «иного для всех» человечеству, всем, нет выхода из положения, потому что «без иного для всех каждый для себя иной», и отсюда человекобожество Кириллова у Достоевского: «Если нет Бога, то я бог» (62). Притча о человечестве в результате аналитического в нее вживания превращается в «притчу о людях, “я” и боге» (69). Не непременно иудейско-христианском Боге, уточняет автор, почва его герменевтики — «неписаная вселенская религия», скрытая в языке и фольклоре (63), как почва для из нее вырастающих исторических, «писанных», «официальных» религий.

Толците и отверзется вам — было сказано нам в Нагорной проповеди: стучите и вам отворят. В. Н. Топоров в обширном предисловии к первой книге Айрапетяна говорил о сродстве, очевидно, не только фонетическом, этимологически разъединенных значений — *толкать/толочь* и *толк/толковать* (см. с. 20 наст. изд.). «Мы толчем и толкаем толкуемое» — продолжает за Топоровым играть словами Айрапетян (14), следуя заповеданному в «иудейско-христианском» тексте наказу: стучится (толкается), и ему открывается.

Армянский смыслотолкователь избрал себе в Ереване жизненным делом русское слово, обучая вниманию к нашему слову русских филологов. Наш фольклор, пословица, сказка — его основной материал и предмет; литературу, слово «написанное», он несколько даже третирует как материал для своих целей второстепенный, но при этом умеет аналитически прочитать в литературе то, что литературоведами так не читается. Так, знаменитые «мертвые трупы» в finale «Бориса Годунова» (на что, как известно, «Народ безмолвствует» и на которые литературоведы могут лишь, как правило, указать как на нечто выразительное, но о смысле этого «плеоназма» можно лишь погадать) он читает как не тавтологическое, но аналитическое сочетание со значением «усилительного выведения отличия наружу»: «Здесь сразу два аналитических сочетания, *отравили себя ядом и мертвые трупы* (...). Эти сочетания приняты за плеоназм и мотивированы волнением в статье М. Гаспарова (...). Мосальский хочет убедить, он